

Тексты ЕГЭ по русскому языку военной тематики
(художественные, публицистические, художественно-публицистические)

Текст №1 «Василий Конаков, или просто Вася...» (По В.П. Некрасову)	2
Текст №2 «Опять бьёт немецкая миномётная...» (По Г.Я. Бакланову)	3
Текст №3 «Все трое немцев были...» (По К.М. Симонову)	4
Текст №4 «Для меня ясно одно: главные...» (По Ю.В. Бондареву)	5
Текст №5 «Газет не принёс? – спросил Синцов...» (По К.М. Симонову)	6
Текст №6 «Раз в столетие, в отчаянные дни...» (По М.С. Строганову)	7
Текст №7 «На огромном отдалении Таню...» (По Г.Я. Бакланову)	8
Текст №8 «С перебитой ногой я лежал...» (По В.А. Каверину)	9
Текст №9 «Солдаты лежали за деревьями...» (По В.С. Гроссману)	10
Текст №10 «В июле 1941 года я ехал...» (По К.Г. Паустовскому)	11
Текст №11 «Когда Серпилин с Цветковым зашли...» (По К.М. Симонову)	12
Текст №12 «Каждый пройденный человечеством век...» (По А.И. Куприну)	13
Текст №13 «Спустя двадцать пять лет я держал...» (По Д.А. Гранину)	14
Текст №14 «Тяжело будет всё-таки, если выдернут...» (По К.М. Симонову)	15
Текст №15 «Жёлтые кувшинки плавали...» (По М.А. Шолохову)	16

(1)Василий Конаков, или просто Вася, как звали мы его в полку, был командиром пятой роты. (2)Участок его обороны находился у самого подножия Мамаева кургана, господствующей над городом высоты, за овладение которой в течение всех пяти месяцев шли наиболее кровавые бои.

(3)Участок был трудный, абсолютно ровный, ничем не защищённый, а главное, с отвратительными подходами, насквозь простреливавшимися противником. (4)Днём пятая рота была фактически отрезана от остального полка. (5)Снабжение и связь с тылом происходили только ночью. (6)Всё это очень осложняло оборону участка. (7)Надо было что-то предпринимать. (8)И Конаков решил сделать ход сообщения между своими окопами и железнодорожной насыпью.

(9)Однажды ночью он явился ко мне в землянку. (10)С трудом втиснул свою массивную фигуру в мою клетушку и сел у входа на корточки. (11)Смуглый кудрявый парень, с густыми чёрными бровями и неожиданно голубыми, при общей его черноте, глазами. (12)Просидел он у меня недолго – погрелся у печки и под конец попросил немного толу – «а то, будь оно неладно, все лопаты об этот чёртов грунт сломал».

– (13)Ладно, – сказал я. – (14)Присылай солдат, я дам, сколько надо.

– (15)Солдат? – он чуть-чуть улыбнулся краешком губ. – (16)Не так-то у меня их много, чтоб гонять взад-вперёд. (17)Давай мне, сам понесу. (18)И он вытащил из-за пазухи телогрейки здоровенный мешок.

(19)На следующую ночь он опять пришёл, потом – его старшина, потом – опять он.

(20)Спустя полторы-две недели нам с капитаном удалось попасть во владения Конакова, в пятую роту. (21)Сейчас прямо от насыпи, где стояли пулемёты и полковая сорокапятка, шёл не очень, правда, глубокий, сантиметров на пятьдесят, но по всем правилам сделанный ход сообщения до самой передовой.

(22)Конакова в его блиндаже мы не застали. (23)На ржавой, неизвестно откуда добытой кровати, укрывшись с головой шинелью, храпел старшина, в углу сидел скрючившись с подвешенной к уху трубкой молоденький связист.

(24)Вскоре появился Конаков, растолкал старшину, и тот, торопливо засунув руки в рукава шинели, снял со стены трофейный автомат и ползком выбрался из блиндажа.

(25)Мы с капитаном уселись у печки.

– (26)Ну как? – спросил капитан, чтобы с чего-нибудь начать.

– (27)Да ничего, – Конаков улыбнулся, как обычно, одними уголками губ. – (28)Воюем помаленьку.

(29)С людьми вот только сложно...

– (30)Ну с людьми везде туго, – привычной для того времени фразой ответил капитан. – (31)Вместо количества нужно качеством брать.

(32)Конаков ничего не ответил. (33)Потянулся за автоматом.

– (34)Пойдём, что ли, по передовой пройдемся?

(35)Мы вышли.

(36)Вдруг выяснилось то, что ни одному из нас даже в голову не могло прийти. (37)Мы прошли всю передовую от левого фланга до правого, увидели окопы, одиночные ячейки для бойцов с маленькими нишами для патронов, разложенные на бруствере винтовки и автоматы, два ручных пулемёта на флангах – одним словом, всё то, чему и положено быть на передовой. (38)Не было только одного – не было солдат. (39)На всём протяжении обороны мы не встретили ни одного солдата. (40)Только старшину. (41)Спокойно и неторопливо, в надвинутой на глаза ушанке, переходил он от винтовки к винтовке, от автомата к автомату и давал очередь или одиночный выстрел по немцам...

(42)Дальнейшая судьба Конакова мне неизвестна – война разбросала нас в разные стороны. (43)Но, когда вспоминаю его – большого, неуклюжего, с тихой, стеснительной улыбкой; когда вспоминаю, как он молча потянулся за автоматом в ответ на слова капитана, что за счёт количества надо нажимать на качество; когда думаю о том, что этот человек вдвоём со старшиной отбивал несколько атак в день и называл это только «трудновато было», мне становится ясно, что таким людям, как Конаков, и с такими людьми, как Конаков, не страшен враг. (44)Никакой!

(45)А ведь таких у нас миллионы, десятки миллионов, целая страна.

(По В.П. Некрасову*)

(1)Опять бьёт немецкая миномётная батарея, та самая, но теперь разрывы ложатся левей. (2)Это она била с вечера. (3)Шарю, шарю стереотрубой – ни вспышки, ни пыли над огневыми позициями – всё скрыто гребнем высот. (4)Кажется, руку бы отдал, только б уничтожить её. (5)Я примерно чувствую место, где она стоит, и уже несколько раз пытался её уничтожить, но она меняет позиции. (6)Вот если бы высоты были наши! (7)Но мы сидим в кювете дороги, выставив над собой стереотрубу, и весь наш обзор – до гребня.

(8)Мы вырыли этот окоп, когда земля была ещё мягкая. (9)Сейчас дорога, развороченная гусеницами, со следами ног, колёс по свежей грязи, закаменела и растрескалась. (10)Не только мина – лёгкий снаряд почти не оставляет на ней воронки: так солнце прокалило её.

(11)Когда мы высадились на этот плацдарм, у нас не хватило сил взять высоты. (12)Под огнём пехота залегла у подножия и спешно начала окапываться. (13)Возникла оборона. (14)Она возникла так: упал пехотинец, прижатый пулемётной струёй, и прежде всего подрыл землю под сердцем, насыпал холмик впереди головы, защищая её от пули. (15)К утру на этом месте он уже ходил в полный рост в своём окопе, зарылся в землю – не так-то просто вырвать его отсюда.

(16)Из этих окопов мы несколько раз поднимались в атаку, но немцы опять укладывали нас огнём пулемётов, шквальным миномётным и артиллерийским огнём. (17)Мы даже не можем подавить их миномёты, потому что не видим их. (18)А немцы с высот просматривают и весь плацдарм, и переправу, и тот берег. (19)Мы держимся, зацепившись за подножие, мы уже пустили корни, и всё же странно, что они до сих пор не сбросили нас в Днестр. (20)Мне кажется, будь мы на тех высотах, а они здесь, мы бы уже искупали их.

(21)Даже оторвавшись от стереотрубы и закрыв глаза, даже во сне я вижу эти высоты, неровный гребень со всеми ориентирами, кривыми деревцами, воронками, белыми камнями, проступившими из земли, словно это обнажается вымытый ливнем скелет высоты.

(22)Когда кончится война и люди будут вспоминать о ней, наверное, вспомнят великие сражения, в которых решался исход войны, решались судьбы человечества. (23)Войны всегда остаются в памяти великими сражениями. (24)И среди них не будет места нашему плацдарму. (25)Его судьба – как судьба одного человека, когда решаются судьбы миллионов. (26)Но, между прочим, нередко судьбы и трагедии миллионов начинаются судьбой одного человека. (27)Только об этом забывают почему-то.

(28)С тех пор как мы начали наступать, сотни таких плацдармов захватывали мы на всех реках. (29)И немцы сейчас же пытались сбросить нас, а мы держались, зубами, руками вцепившись в берег. (30)Иногда немцам удавалось это. (31)Тогда, не жалея сил, мы захватывали новый плацдарм. (32)И после наступали с него.

(33)Я не знаю, будем ли мы наступать с этого плацдарма. (34)И никто из нас не может знать этого. (35)Наступление начинается там, где легче прорвать оборону, где есть для танков оперативный простор. (36)Но уже одно то, что мы сидим здесь, немцы чувствуют и днём и ночью. (37)Недаром они дважды пытались скинуть нас в Днестр. (38)И ещё попытаются.

(39)Теперь уже все, даже немцы, знают, что война скоро кончится. (40)И как она кончится, они тоже знают. (41)Наверное, потому так сильно в нас желание выжить.

(42)В самые трудные месяцы сорок первого года, в окружении, за одно то, чтобы остановить немцев перед Москвой, каждый, не задумываясь, отдал бы жизнь. (43)Но сейчас вся война позади, большинство из нас увидит победу, и так обидно погибнуть в последние месяцы.

(По Г.Я. Бакланову*)

* **Григорий Яковлевич Бакланов** (1923–2009) – русский советский писатель, представитель «лейтенантской прозы».

(1)Все трое немцев были из белградского гарнизона и прекрасно знали, что это могила Неизвестного солдата и что на случай артиллерийского обстрела у могилы толстые и прочные стены. (2)Это было, по их мнению, хорошо, а всё остальное их нисколько не интересовало. (3)Так обстояло дело с немцами.

(4)Русские тоже рассматривали этот холм с домиком на вершине как прекрасный наблюдательный пункт, но наблюдательный пункт неприятельский и, следовательно, подлежащий обстрелу.

– (5)Что это за жилое строение? (6)Чудное какое-то, сроду такого не видал, – говорил командир батареи капитан Николаенко, в пятый раз внимательно рассматривая в бинокль могилу Неизвестного солдата. – (7)А немцы сидят там, это уж точно. (8)Ну как, подготовлены данные для ведения огня?

– (9)Так точно! – отрапортовал стоявший рядом с капитаном командир взвода молоденький лейтенант Прудников.

– (10)Начинай пристрелку.

(11)Пристрелялись быстро, тремя снарядами. (12)Два взрыли обрыв под самым парашютом, подняв целый фонтан земли. (13)Третий ударил в парашют. (14)В бинокль было видно, как полетели осколки камней.

– (15)Ишь брызнуло! – сказал Николаенко. – (16)Переходи на поражение.

(17)Но лейтенант Прудников, до этого долго и напряжённо, словно что-то вспоминая, всматривавшийся в бинокль, вдруг полез в полевую сумку, вытащил из неё немецкий трофейный план Белграда и, положив его поверх своей двухвёрстки, стал торопливо водить по нему пальцем.

– (18)В чем дело? – строго сказал Николаенко. – (19)Нечего уточнять, всё и так ясно.

– (20)Разрешите, одну минуту, товарищ капитан, – пробормотал Прудников.

(21)Он несколько раз быстро посмотрел на план, на холм и снова на план и вдруг, решительно уткнув палец в какую-то наконец найденную им точку, поднял глаза на капитана.

– (22)А вы знаете, что это такое, товарищ капитан? (23)Это могила Неизвестного солдата. (24)Я всё смотрел и сомневался. (25)Я где-то на фотографии в книге видел. (26)Точно. (27)Вот она и на плане – могила Неизвестного солдата.

(28)Для Прудникова, когда-то до войны учившегося на историческом факультете МГУ, это открытие представлялось чрезвычайно важным. (29)Но капитан Николаенко неожиданно для Прудникова не проявил никакой отзывчивости и оставался равнодушным. (30)Он ответил спокойно и даже несколько подозрительно:

– Какого ещё там неизвестного солдата? (31)Давай веди огонь.

– (32)Товарищ капитан, разрешите! – просительно глядя в глаза Николаенко, сказал Прудников.

– (33)Ну что ещё?

– (34)Вы, может быть, не знаете... (35)Это ведь не просто могила. (36)Это, как бы сказать, национальный памятник. (37)Ну... – Прудников остановился, подбирая слова. – (38)Ну, символ всех погибших за родину. (39)Одного солдата, которого не опознали, похоронили вместо всех, в их честь, и теперь это для всей страны как память.

– (40)Подожди, не тараторь, – сказал Николаенко и, наморщив лоб, на целую минуту задумался.

(41)Был он большой души человек, несмотря на грубость, любимец всей батареи и хороший артиллерист. (42)Но, начав войну простым бойцом-наводчиком и дослужившись кровью и доблестью до капитана, в трудах и боях так и не успел он узнать многих вещей, которые, может, и следовало бы знать офицеру. (43)Он имел слабое понятие об истории, если дело не шло о его прямых счетах с немцами, и о географии, если вопрос не касался населённого пункта, который надо взять. (44)А что до могилы Неизвестного солдата, то он и вовсе слышал о ней в первый раз.

(45)Однако, хотя сейчас он не всё понял в словах Прудникова, он своей солдатской душой почувствовал, что, должно быть, Прудников волнуется не зря и что речь идёт о чем-то в самом деле стоящем.

– (46)Подожди, – повторил он ещё раз, распустив морщины. – (47)Ты скажи толком, чей солдат, с кем воевал, – вот ты мне что скажи!

– (48)Сербский солдат, в общем, югославский, – сказал Прудников. – (49)Воевал с немцами в прошлую войну четырнадцатого года.

– (50)Вот теперь ясно.

(51)Николаенко с удовольствием почувствовал, что теперь действительно все ясно и можно принять по этому вопросу правильное решение.

– (52)Всё ясно, – повторил он. – (53)Ясно, кто и что. (54)А то плетёшь невесть чего – «неизвестный, неизвестный». (55)Какой же он неизвестный, когда он сербский и с немцами в ту войну воевал? (56)Отставить огонь!

(По К.М. Симонову*)

* **Константин Михайлович Симонов** (1915–1979) – русский советский писатель, поэт, общественный деятель, автор произведений о Великой Отечественной войне, среди которых «Живые и мёртвые», «Дни и ночи», «Солдатами не рождаются» и др.

(1)Для меня ясно одно: главные участники истории – это Люди и Время. (2) Не забывать Время – это значит не забывать Людей, не забывать Людей – это значит не забывать Время.

(3)Количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, со скрупулёзной точностью подсчитывают историки. (4)Однако они не смогут подслушать разговор в окопе перед танковой атакой, увидеть страдание и слёзы в глазах восемнадцатилетней девушки-санинструктора, умирающей в полутьме полуразрушенного блиндажа, вокруг которого гудят прорвавшиеся немецкие танки, ощутить треск пулемётной очереди, убивающей жизнь.

(5)Нам было тогда по двадцать лет. (6)Мы мечтали вернуться в тот солнечный довоенный мир, где солнце казалось нам праздничным солнцем, встающим над землёй изо дня в день по своей непреложной закономерности; трава была травой, предназначенной для того, чтобы расти; фонари – для того, чтобы освещать сухой апрельский тротуар, вечернюю толпу гуляющих, в которой идёшь и ты, восемнадцатилетний, загорелый, сильный. (7)Все ливни весело проходили над твоей головой, и ты был озорно рад блеску молний и пушечным раскатам грома; все улыбки в том времени предназначались тебе, все смерти и слёзы были чужими.. . (8)Весь мир, прозрачно-лучезарный, лежал у твоих ног ранним голубым апрелем, обогревая добротой, радостью, ожиданием любви. (9)Там, позади, не было ожесточённой непримиримости, везде была разлита зеленовато-светлая акварель в воздухе; и не было жёстких чёрных красок. (10)За долгие четыре года войны, чувствуя близ своего плеча огненное дыхание смерти, молча проходя мимо свежих бугорков с надписями химическим карандашом на дощечках, мы не утратили в себе прежний мир юности, но мы повзрослели на двадцать лет и, мнилось, прожили их так подробно, так насыщено, что этих лет хватило бы на жизнь двум поколениям.

(11)Мы узнали, что мир и прочен, и зыбок. (12)Мы узнали, что солнце может не взойти утром, потому что его блеск, его тепло способна уничтожить бомбёжка, когда горизонт тонет в черно-багровой завесе дыма. (13)Порой мы ненавидели солнце – оно обещало лётную погоду и, значит, косяки пикирующих на траншеи «юнкерсов» . (14)Мы узнали, что солнце может ласково согреть не только летом, но и в жесточайшие январские морозы, вместе с тем равнодушно и беспощадно обнажать своим светом во всех деталях недавнюю картину боя, развороченные прямыми попаданиями орудия, тела убитых, которых ты минуту назад называл по имени. (15)Мы узнавали мир вместе с человеческим мужеством и страданиями.

(16)Время уже тронуло память: потускнели детали, полузабыты лица погибших, не так остро ощутимы в воспоминаниях запахи развороченных снарядами окопов, ты не пригибаешься инстинктивно на улице при отдалённом звуке отбойного молотка, напоминающем бой крупнокалиберного пулемёта. (17)При вспышках праздничных ракет над крышами домов не рвётся из горла невольный крик: «Ложись!» (18)Уже привычно не выискиваешь взглядом место на углу, возле аптеки или универмага (место для огневой позиции с широким сектором обстрела), а случайно услышанный в сумерках крик ребёнка не вызывает в памяти чёрные контуры разбитых деревень, печную гарь дымящихся развалин, обугленные сады, плач в темноте.

(19)Долгожданный мир (мы шли к нему четыре года) прочно вошёл в сознание – мир с блеском утреннего солнца на мостовых, с шелестом переполненных по вечерам троллейбусов и уютной на рассвете вознёй голубей на карнизах.

(По Ю.В. Бондареву*).

* **Юрий Васильевич Бондарев** (1924–2020) – русский писатель, сценарист, автор многочисленных произведений о Великой Отечественной войне.

– (1)Газет не принёс? – спросил Синцов.

– (2)Принёс.

(3)Пестрак распахнул шинель и, вытащив из брюк смятую газету, стал разглаживать её.

– (4)Что интересное – вслух читаю, ладно? – спросил Леонидов, потянув к себе газету. (5)Он любил читать вслух, но не подряд, а только то, что считал заслуживающим внимания. – (6)Вот, – сказал Леонидов, постучав пальцем по газете. – (7)Вот! (8)Я в армейской ещё позавчера заметил, хотел вам почитать, да у меня кто-то замахорил... (9)Вот... – и стал медленно читать вслух громким, сердитым голосом: (10)«Немецко-фашистские мерзавцы зверски расправляются с попадающими к ним в плен ранеными красноармейцами...» (11)А я вчера немца убил, так мне Караулов по уху дал.

– (12)Так тебе и надо! – отозвался Комаров. – (13)А что же, люди старались, «языка» брали, а ты его бьёшь! (14)Посмотри, какой стрелок!

– (15)Ну ладно, по уху, – сказал Леонидов. – (16)Не будь он комвзвода, он бы у меня покатился! (17)Ладно, пусть, – повторил он. – (18)Но он же ещё пригрозил: в другой раз повторишь – расстреляю! (19)Эти слова как понимать?

– (20)А так и понимать: не бей «языка», – снова наставительно сказал Комаров.

– (21)Чересчур вы добрые, погляжу я на вас! – зло сказал Леонидов.

(22)Синцов отложил бритву. (23)Последние слова Леонидова рассердили его.

– (24)А ты нам свою злость в глаза не суй! (25)Подожди... – хлопнул он по колену, видя, что Леонидов собирается прервать его. – (26)Ты злой! (27)А сколько фашистов у тебя на счету, кроме того пленного? (28)Два?

(29)А Комаров добрый: у него четверо!

(30)Синцов, надев гимнастёрку, полушубок и ушанку и повесив на шею автомат с новым самодельным прикладом, вышел на улицу, вытер снегом горевшее после бритья лицо и вернулся.

(31)Сейчас он внезапно заметил всю красоту природы в этот солнечный зимний день: и на редкость синее небо, и белизну нападавшего за ночь снега, и чёрные тени стволов, и даже треугольник самолётов, летевших так высоко, что их далёкое, тонкое пение не казалось опасным.

(32)Только что в блиндаже они спорили между собой о войне и смерти и о том, можно ли на войне быть добрым и злым. (33)А сейчас он шёл к развалинам барского дома по залитой солнцем и разлинованной тенями стволов сосновой аллее и думал, как, в сущности, плохо приспособлен человек к той жизни, которая называется войной. (34)Он и сам пытается приучить себя к этой жизни, и другие заставляют его приучиться к ней, и всё равно из этого ровным счётом ничего не выходит, если иметь в виду не поведение человека, на котором постепенно начинает сказываться время, проведённое на войне, а его чувства и мысли в минуту отдыха и тишины, когда он, закрыв глаза, может, словно из небытия, мысленно возвратиться в нормальную человеческую обстановку...

(35)Нет, можно научиться воевать, но привыкнуть к войне невозможно. (36)Можно только сделать вид, что ты привык, и некоторые очень хорошо делают этот вид, а другие не умеют его делать и, наверное, никогда не сумеют. (37)Кажется, он, Синцов, умеет делать этот вид, а что проку в том? (38)Вот пригрело солнышко, небо синее, и самолёты летят куда-то не сюда, и пушки стреляют не сюда, и он идёт, и ему так хочется жить, так хочется, что прямо хоть упади на землю, заплачь и жадно попроси ещё день, два, неделю вот такой безопасной тишины, чтобы знать, что, пока она длится, ты не умрёшь...

(По К.М. Симонову*)

* **Константин Михайлович Симонов** (1915–1979) – советский военный корреспондент, прозаик, поэт, киносценарист, журналист, общественный деятель.

(1)Раз в столетие, в отчаянные дни, когда горе не оставляет места надежде, появляется поколение особенных людей, каких не было до них и каких не будет ещё много лет. (2)Они рождаются из недр русского духа, возникая вдруг, как выходят из толщи земной алмазы, под немислимым давлением и с чудовищной силой прорвавшись сквозь десятки километров базальтовых и гранитных пород. (3)Так, вопреки законам природы, внутренний свет стремится к свету вселенскому, сметая на своём пути любые преграды, упраздняя незыблемые правила самой Природы.

(4)Оттого в минуты слабости, в дни, когда сердце не согревает вера, а в душе не осталось силы для надежды, молитвенно повторяю: Великая Отечественная. (5)Потому что для русского нет большей правды о его Родине и о его жизни, чем та, что сокрыта в этих словах.

(6)Мне часто снятся сны о войне. (7)Нет, не сражения, не парады, не завораживающая воображение военная мощь, а неказистый окопный быт, незаметная солдатская служба, повседневное фронтовое житьё-бытьё.

(8)Ещё мне снятся те ребята, которые погибли, не дожив до Победы. (9)Мы просто пьём чай у костра. (10)Смеётся гармоника, или грустит баян, а они знай спрашивают: «Как станут жить люди после Победы? (11)Наверное, счастливо и до ста лет?» (12)Потом уходят. (13)Они не знали современного слова «профи», они были настоящими героями.

(14)Солдаты Великой Отечественной! (15)Не изяществом мундира и не лихим щегольством вы запомнитесь миру. (16)Отвагой и добротой покорите его. (17)Потому что на своих штыках вы несли спасение от чудовищного зла, доселе неведомого миру.

(18)Передо мной старые, поплёкшие фотографии. (19)Уже нет в живых ни тех, кто на них, ни тех, кому они были трогательно подписаны. (20)И легко сказать: исторический факт, свидетельство времени. (21)Но душа не приемлет, противится. (22)Шарахается от такой расчётливости, зная, что святыни свои нельзя сдавать ни без боя, ни с боем. (23)С ними можно или быть, или не быть. (24)Это не вопрос, а закон жизни.

(25)Я смотрю на фотографии, и меня поражает вот что: на них нет ни одного пошлого лица. (26)В глаза смотрят открытые и честные люди. (27)Немного наивные. (28)Но им веришь, как верят безыскусным иконам, за которыми открывается Бог и вечность...

(29)Часто думаю: почему победили мы, а не наши враги? (30)Простой холодный анализ фактов ничего не прояснит, ни на что не ответит. (31)Так, пустит пыль, а она, как известно, колышется от любого дуновения...

(32)Существует один и только один честный ответ. (33)Народ выстоит и победит лишь тогда, когда люди перестанут быть «гражданами и гражданками», а станут братьями и сёстрами. (34)Когда любовь к Родине скрепится потом и кровью!

(35)Мне запомнились слова одной из книг, прочитанных в детстве, ставшие основой понимания нашей истории, своеобразным символом веры. (36)Это были размышления великого русского полководца Георгия Константиновича Жукова: «Празднуя Победу, мы всегда будем вспоминать, какие качества нашего народа помогли одолеть врага. (37)Терпение. (38)Мужество. (39)Величайшая стойкость. (40)Пусть эти проверенные огнём войны качества всегда нам сопутствуют. (41)И всегда Победа будет за нами».

(42)Говорят, что время стирает прошлое, как следы на песке.

(43)Бывшее некогда великим становится страницами учебников истории, а живая память сжимается до памятных дат и высеченных на обелисках цитат.

(44)Но не такова память о Великой Отечественной. (45)Кровью скреплена с судьбой народа, запечатана в генетической памяти, зашита в судьбе, неизгладима из народного духа, подобно скрижалям Завета. (46)Сколько бы чуждая воля ни силилась изгладить в нас её правду и сколько бы ни рассыпало свои пески время, но каждая клетка нашего тела и каждая капля нашей крови вопиют о том, что «никто не забыт и ничто не забыто».

(По М.С. Строганову*)

(1) На огромном отдалении Таню теперь он видел девочкой с румянцем волнения на щеках, с жалким, испуганным, растерянным взглядом, а на руках — грудной ребёнок, и Митя, трёхлетний, прижался, обхватил её ногу. (2) Волнение старших передалось ему, он держался за мать, крепился, чтоб не заплакать. (3) Такими он их оставил и уже никогда не увидел больше. (4) И никто, ни одна живая душа в целом мире не помнит, не знает про них, как будто и не жили на свете.

(5) Маленького, грудного, он ещё не успел как следует ощутить, ещё не взял в сердце. (6) И легче младенцу: страха не ведал, не знал, что жил, не сознавал, что отнимают. (7) Но три года Митиной жизни, всё это, впервые испытанное, когда из маленького кролика, способного только спать и плакать, выросла осмысленный человек, с которым всё уже становилось интересно... (8) И вот нет его, и никому это не больно, нет как не было.

(9) В послевоенной жизни, особенно когда много лет минуло, Николаю Ивановичу не раз говорили: «У тебя была броня — и ты не воспользовался? (10) Но почему?» (11) И ещё так говорили: «Тыл во время войны — это тот же передний край». (12) Но и тогда и теперь он знал, если бы не шли сами, не поднялись так, не

было бы победы, ничего не было бы. (13) И многих из тех, кто так разумно спрашивает теперь, тоже не было бы на свете. (14) Но не объяснишь, если уже объяснять надо.

(15) Таня с детьми оставалась в тылу и не думала, что и сюда война докатится. (16) Если и боялась Таня, так только за него. (17) Но он всё же забежал к Фёдоровскому, чтобы договориться с ним. (18) Тот быстро рос перед войной, особенно поднялся в последние четыре предвоенных года. (19) Уже и машина ждала его у подъезда, а тогда это многое значило. (20) И секретарша не пропустила бы к нему так просто, но они сошлись в коридоре, вместе зашли в кабинет. «(21) Я тебя не понимаю, — с долей официального недовольства в голосе, как полагалось в официальном месте, говорил Фёдоровский, заведя его к себе, но не садясь. — (22) Ты что, действительно думаешь, что враг придёт сюда? (23) Ты знаешь, как называются подобные настроения?»

(24) Рядом на маленьком столике телефонные аппараты, сам Фёдоровский — в полувоенном, в гимнастёрке без знаков различия, в хромовых сапогах, и вот так стоя во весь свой немалый рост, скорбно качал головою, не одобряя, не имея права одобрять подобные настроения, но уже и улыбался сквозь строгость, улыбкой прощал момент малодушия: «Одно тебя извиняет: на фронт идёшь».

(25) Не раз потом вспоминалось Николаю Ивановичу всё это, и «настроения», и полувоенный его костюм — дань времени, а машина стояла у подъезда наготове, и когда фронт придвинулся, в ней Фёдоровский и укатил.

(26) Теперь забыты многие слова и то, что они означали для человека, не в каждом словаре найдёшь слово «лишенец». (27) Родители Фёдоровского были лишены. (28) Держали они какую-то небольшую торговлишку в период нэпа и в дальнейшем, причисленные за это к эксплуататорским классам, были лишены избирательных и прочих гражданских прав. (29) Если бы не отец Николая Ивановича, который в своей жизни многим людям помог, что ему и припомнили в дальнейшем, невесёлое будущее ожидало Фёдоровского. (30) Человек старых понятий, участник революции ещё девятьсот пятого года, отец говорил: «Способный юноша, зачем его лишать чего-то? (31) Зачем самим лишаться? (32) Страна не должна лишаться толковых людей». (33) И Фёдоровского приняли на рабфак, и способный юноша, вначале принижённый, за всё благодаривший, стал выправляться, расти, как придавленный росток из-под камня.

(34) Из таких, кто всего был лишён, пережил страх, а потом допущен, приближен, из них во все времена выходили самые непреклонные служаки, которые не помнят ни отца, ни мать, служат ревностно не идее, а силе. (35) Они, если и там оказывались, — по ту сторону фронта, то и там точно так же служили силе, становились первыми ревнителями порядка.

(36) По всем человеческим понятиям Николай Иванович считал, что уж с такой просьбой — предупредить Таню, если станет опасно, не в машину взять с собой, предупредить только, чтобы она смогла вовремя эвакуироваться с детьми, — о таком пустяке мог он попросить. (37) Тем более что он уходил на фронт, а Фёдоровский оставался. «(38) Вот тебе моё слово, — выходя из-за стола с телефонами, одновременно хмурясь, но и прощая, уже наученный этой игре, сладость испытывая от неё, говорил Фёдоровский. — (39) Не должен бы я поддерживать такие настроения, но ты уходишь, тревогу твою понять можно. (40) Вот тебе моё слово и вот тебе моя рука!»

(41) Глупые старые представления о долге, о благодарности. (42) От людей, помнящих, кем ты был, знающих твоё прошлое, от таких людей избавляются, а не долги им отдают. (43) Но поздно это узнаётся, самое главное всегда узнаётся задним числом. (44) Да и семья их жила другими понятиями. (45) Ему бы сказать Тане: «Станет опасно — решай сама, не жди». (46) Но он хотел как лучше, а Таня привыкла его слушать, он старше, умней. (47) И ждала до последнего. (48) Верила.

(49) После войны разыскал он Фёдоровского уже в Москве, и кабинет был значительней, и телефонов побольше под рукой. «(50) Я не имел права, — как вы все простых вещей не понимаете? — с превосходством человека, обрёкшего себя в жертву долгу, возвысился над ним Фёдоровский. — (51) Я — Тане, Таня — подруге, соседке, та — ещё соседке. (52) Вот так и возникает элемент паники...» (53) В кабинет уже входили почтительные, прилично одетые люди с папками для доклада, похожие друг на друга. (54) Все они смотрели неодобрительно, тут повышать голос, громко разговаривать не полагалось. «(55) Но тебя машина ждала внизу!» (56) Только это и сказал. (57) И ещё обложил напоследок. (58) И потом долго жгло, что ничего не сделал, проклятое это интеллигентское, с детства въевшееся в кровь, не дало переступить. (59) А что можно сделать, разве изменишь?

(По Г.Я. Бакланову*)

(1) С перебитой ногой я лежал у окна санитарного поезда спиной к движению.

(2) Уходящая местность открывалась передо мной, и поэтому я увидел эти три танка, когда мы уже прошли мимо них. (3) Открыв люки, танкисты смотрели на нас. (4) Они были без шлемов, и мы приняли их за своих. (5) Потом люки закрылись, и это была последняя минута, когда ещё невозможно было предположить, что по санитарному эшелону, в котором находилось, вероятно, не меньше тысячи раненых, другие, здоровые люди могут стрелять из пушек.

(6) Но именно это и произошло.

(7) С железным скрежетом сдвинулись вагоны, меня подбросило, и я невольно застонал, навалившись на раненую ногу. (8) Мне видно было через окно, как первые раненые, выскочив из теплушек, бежали и падали, потому что танки стреляли по ним шрапнелью.

(9) Кое-как я сполз с койки, и толпа раненых вынесла меня на площадку. (10) Я лёг под вагон, беспомощный, томящийся от бешенства и боли. (11) Кто-то крепко взял меня за руку. (12) Это была санитарка.

– (13) Я никуда не пойду! – сказал я, – (14) Оставьте меня! (15) У меня есть пистолет, и живым они меня не получат.

(16) Но две санитарки схватили меня, и мы втроём скатились под насыпь. (17) Ромашов мелькнул где-то впереди в эту минуту.

(18) Кое-как перебравшись через болото, мы залегли в маленькой осиновой роще: девушки, я, Ромашов и два легко раненных бойца, присоединившихся к нам по дороге. (19) Я послал этих бойцов в разведку, и, вернувшись, они доложили, что на разных направлениях стоят немцы.

– (20) Уйти, конечно, можно, но, поскольку капитан не может самостоятельно двигаться, лучше воспользоваться дрезиной.

(21) Дрезину они нашли под насыпью у разъезда. (22) Бойцы и санитарки ушли, чтобы поднять её и поставить на рельсы.

(23) Мы с Ромашовым остались одни в маленькой мокрой берёзовой роще. (24) Мне трудно рассказать о том, каким был этот день. (25) Мы ждали и ждали без конца. (26) Уходя, санитарка сунула мне под голову свой заплечный мешок. (27) Очевидно, в мешке были сухари: что-то хрустнуло, когда я кулаком подбил мешок повыше. (28) Ромашов стал ныть, что он умирает от голода, но я прикрикнул на него, и он замолчал.

– (29) Они не вернуться, – нервно сказал он. – (30) Они бросили нас.

(31) Вероятно, у меня было плохое настроение, потому что я вытащил пистолет и сказал Ромашову, что убью его, если он не перестанет ныть. (32) Он замолчал и, кажется, с трудом удержался, чтобы не заплакать.

(33) Плохо было дело! (34) Уже первые сумерки крадучись стали пробираться в рощу, а девушки не возвращались. (35) Разумеется, я и мысли не допускал, что они могли уехать на дрезине без нас, как это подло предполагал Ромашов. (36) Пока лучше было не думать, что они не вернуться.

(37) Лёжа на спине, я незаметно уснул. (38) Когда я открыл глаза, туман лениво бродил между деревьями. (39) Ромашов сидел поодаль в прежней сонно-равнодушной позе. (40) Всё, кажется, было, как прежде, но всё уже было совершенно другим.

(41) Он посмотрел на меня искоса, очень быстро, и я сразу понял, почему мне так неудобно лежать. (42) Он вытащил из-под моей головы мешок с сухарями. (43) Кроме того, он вытащил флягу с водой и пистолет.

(44) Кровь бросилась мне в лицо. (45) Он вытащил пистолет!

– (46) Сейчас же верни оружие, болван! – сказал я спокойно.

– (47) Ты всё равно умрёшь, – сказал он торопливо. – (48) Тебе не нужно оружие.

– (49) Верни пистолет, если не хочешь попасть под полевой суд. (50) Понятно?

(51) Он стал коротко, быстро дышать:

– Какой там полевой суд! (52) Мы одни, и никто ничего не узнает.

(53) Он уложил мешки и пошёл по направлению к болоту, и через пять минут среди далёких осин мелькала его сутулая фигура.

(54) Оставить меня одного, голодного и безоружного, тяжело раненного в лесу, в двух шагах от расположения немецкого десанта... (55) Он ушёл, что было равносильно убийству, а может быть, даже и хуже.

(По В.А. Каверину*)

(1) Солдаты лежали за деревьями, в кустах, в высокой траве и слушали, напряжённо всматривались в ясный утренний воздух, лишь местами темневший от дыма и земной пыли.

(2) О, как хороша была в эти минуты земля! (3) Как благодны казались людям её тяжёлые складки, жёлтые пригорки, овражки, поросшие репейником и пыльными лопухами, лесные ямы. (4) Какой чудесный запах шёл от земли: лиственной прели, сухой пыли и влажной лесной сырости, запах мирного праха и грибов, сухих ягод и многократно превшего и вновь высухавшего хвороста. (5) Ветер приносил с поля тёплый и печальный запах вянущих цветов и сохнувших трав; в полутьме леса, внезапно пронзаемой солнечным светом, вдруг пыльной радугой вспыхивала увлажнённая росой паутина, словно веяло своим дыханием чудо спокойствия и мира.

(6) Вот лежит, уткнувшись лицом в землю, Родимцев. (7) Спит он, что ли? (8) Нет, его глаза внимательно смотрят в землю, на стоящий подле куст шиповника. (9) Он шумно дышит, втягивает в себя запах земли. (10) Он смотрит с интересом, жадно и почтительно на дела, происходящие вокруг него: муравьи колонной идут неясным для человеческого глаза трактом, волокут сухие травинки, палочки. (11) «Может быть, у них тоже война, — думает Родимцев, — вот и ползут колонны мобилизованных на строительство рвов и укреплений. (12) Или это хозяин ставит себе новый дом, и тянутся плотники, штукатуры на работу...»

(13) Огромен мир, который видят его глаза, чует ухо, втягивают с воздухом ноздри. (14) Аршин земли на опушке леса, куст шиповника. (15) Как велик этот аршин земли! (16) Как богат этот отцветший куст! (17) По сухой земле молнией прошла трещина, муравьи проходят по мосту, в строгом порядке один за другим, а по ту сторону трещины терпеливо выжидают встречные. (18) Божья коровка, толстая, в красном сарафане, мечется, ищет перехода. (19) Ох ты! (20) Полевая мышь блеснула глазом, привстала на задние лапки и прошуршала среди травы, словно и не было её здесь. (21) Подул ветер, и трава гнётся, пригибается, каждая по-своему: одна покорно, быстро ложится к земле, другая упрямо, сердито дрожит, топорщится своим бедным тощим колосом — воробьиным житом. (22) А на кусте шевелятся ягоды шиповника — жёлтые, красноватые, закалённые солнцем, словно глина огнём. (23) Давно уже, видно, брошенная хозяином паутина мотается на ветру, в ней запутались сухие листья, кусочки коры, в одном месте она обвисает под тяжестью свалившегося в неё жёлудя. (24) Она похожа на невод, выброшенный на берег после гибели рыбака.

(25) Игнатъев задумчиво говорит товарищу:

— Слышал я, как-то два лейтенанта-зенитчика между собой говорили. (26) Вот, говорят, война идёт, а кругом сады, птицы поют, им вроде и дела нет до наших дел. (27) Вот я всё думаю: это неправильно, не увидели лейтенанты сути. (28) Война эта всей жизни коснулась. (29) Ты возьми лошадей — чего только не терпят! (30) Или, помню, стояли мы в Рогачёве: там все собаки по тревоге в погреба лезли, суку одну я заметил — собачат в щель прятала, а как налёт кончится — обратно гулять выводила. (31) Ну, а птица — гуси, куры, индюшки, — разве они от немца не терпят? (32) И тут, кругом, в лесу, я замечаю, птицы пугаться стали — чуть самолёт летит, тучей поднимаются, галдят, шумят, мечутся. (33) Сколько леса пропало! (34) Сколько садов!

(35) Или вот я сейчас подумал: идёт бой на поле, мы тут залегли, под тысячу человек, — всех этих муравьёв да комарей кувырком вся жизнь пошла.

(36) А если немец газ пустит, а мы ему в ответ — тут же по всем лесам да полям жизнь перевернётся: и до мышей, и до ежей, до всех война доберётся, начнёт козявка да птица задыхаться, куда ей деться?

(37) Он приподнялся и, глядя на товарищей, сказал с весёлой печалью:

— Ох, и хорошо, ребята! (38) Ведь только в такой день и поймёшь: вот, кажется, тысячу лет бы так пролежал — и не наскучило бы.

(По В.С. Гроссману*)

* **Василий Семёнович Гроссман** (1905–1964) — советский писатель, журналист, военный корреспондент.

(1) В июле 1941 года я ехал на военной грузовой машине из Рыбницы-на-Днестре в Тирасполь. (2) Я сидел в кабине рядом с молчаливым водителем.

(3) Бурая пыль, раскалённая солнцем, взрывалась клубами под колёсами машины. (4) Всё вокруг — хаты, подсолнухи, акации и сухая трава — было покрыто этой шершавой пылью.

(5) Солнце дымилось в обесцвеченном небе. (6) Вода в алюминиевой фляге была горячая и пахла резиной. (7) За Днестром гремела канонада

(8) В кузове ехали несколько молодых лейтенантов. (9) Иногда они начинали стучать кулаками по крыше кабины и кричали: «Воздух!» (10) Водитель останавливал машину, мы выскакивали, отбегали подальше от дороги и ложились. (11) Тотчас со злорадным воем на дорогу пикировали чёрные немецкие «мессеры».

(12) Иногда они замечали нас и били из пулемётов. (13) Но, к счастью, никто не пострадал. (14) Пули подымали смерчи пыли. (15) «Мессеры» исчезали. (16) После них оставались только жар во всём теле от раскалённой земли, гул в голове и жажда.

(17) После одного из таких налётов водитель неожиданно спросил меня:

— Вы о чем думаете, когда лежите под пулями? (18) Вспоминаете?

— (19) Вспоминаю, — ответил я.

— (20) И я вспоминаю, — сказал, помолчав, водитель. — (21) Леса наши вспоминаю костромские. (22) Останусь жив, вернусь на родину — буду проситься в лесники. (23) Возьму с собой жену — она у меня спокойная, красивая — и дочку, и будем жить в сторожке. (24) Поверите ли, как подумаю об этом, так с сердцем делаются перебои. (25) А водителям это не положено.

— (26) Я тоже. — (27) Вспоминаю леса.

— (28) А ваши хороши? — спросил водитель

— (29) Хороши.

(30) Водитель натянул пилотку на лоб и дал газ. (31) Больше мы не разговаривали.

(32) Пожалуй, никогда я не вспоминал с такой остротой любимые места, как на войне. (33) Я ловил себя на том, что нетерпеливо жду ночи, когда где-нибудь в сухой степной балке, лёжа в кузове грузовой машины и укryвшись шинелью, можно вернуться мыслью к этим местам и пройти по ним медленно и спокойно, вдыхая сосновый воздух. (34) Я говорил себе. «Сегодня я пойду на Чёрное озеро, а завтра, если буду жив, — на берега Пры или на Требутино». (35) И у меня замирало сердце от предчувствия этих воображаемых походов.

(36) Вот так однажды я лежал под шинелью и представлял в мельчайших подробностях путь на Чёрное озеро. (37) Мне казалось, что не может быть в жизни большего счастья, чем опять увидеть эти места и снова пройти по ним, забыв обо всех заботах и невзгодах, слушая, как легко стучит в груди сердце.

(38) В этих своих мечтах в кузове машины я всегда выходил из деревенского дома ранним утром и шёл по песчаной улице мимо старых изб. (39) На подоконниках в жестянках от консервов цвёл огненный бальзамин. (40) Его в тамошних местах зовут «Ваня мокрый». (41) Должно быть, потому, что толстый ствол бальзамина просвечивает против солнца зелёным соком и в этом соке иногда даже видны пузырьки воздуха.

(42) Около колодца, где весь день гремят вёдрами босоногие болтливые девочки в ситцевых выгоревших платьях, надо свернуть в проулок. (43) В этом проулке, в крайней избе, живёт известный на всю округу петух-красавец. (44) Он часто стоит на одной ноге на самом солнцепёке и пылает своим оперением, как грудa рдеющих углей.

(45) За петухом избы кончаются, и тянется, заворачивая плавной дугой в дальние леса, игрушечное полотно узкоколейки. (46) За полотном узкоколейки непроходимым частоколом стоит молодой сосняк. (47) Непроходимым он кажется только издали: сквозь него всегда можно продраться, но, конечно, маленькие деревца исколют вас иглами и оставят на пальцах липучие пятна смолы.

(48) За сосняком начинается высокий бор. (49) По его краю идёт заросшая дорога.

(50) Под первой же раскидистой сосной хорошо прилечь и отдохнуть от духоты молодой чащи. (51) Лечь на спину, почувствовать сквозь тонкую рубашку прохладную землю и смотреть на небо. (52) И, может быть, даже уснуть, потому что белые, сияющие своими краями облака нагоняют дремоту.

(53) Потом начинается небольшой участок сырого берёзового блестящим, как изумрудный бархат, мхом. (54) Там всегда пахнет листом, оставшимся на земле от прошлой осени.

(55) За берёзовым перелеском есть одно место, о котором нельзя вспоминать без того, чтобы не ждалось сердце... (56) Самое незаметное и простое... (57) Где-то там, среди мшар, скрывается Чёрное озеро — государство тёмных вод, коряг и огромных жёлтых кувшинок. (58) К озеру лучше всего выйти в поздние сумерки, когда все вокруг — слабый блеск воды и первых звёзд, сияние гаснущего неба, неподвижные вершины деревьев — всё это так прочно сливается с настороженной тишиной, что кажется рождённым ею...

(59) Я думаю всё это, лёжа в кузове грузовой машины. (60) Поздняя ночь. (61) Со стороны станции Раздельной ухают взрывы — там идёт бомбёжка. (62) Когда взрывы затихают, слышен робкий треск цикад: они испуганы взрывами и пока что трещат вполголоса. (63) С тёмного неба падает трассирующим снарядом голубоватая звезда. (64) Я ловлю себя на том, что невольно слежу за ней и прислушиваюсь: когда же она взорвётся? (65) Но звезда не взрывается, а безмолвно гаснет над самой землёй. (66) Как далеко отсюда до знакомого берёзового перелеска, до торжественных лесов, до того места, где всегда сжимается сердце! (67) Там теперь тоже ночь, но беззвучная, пылающая огнями созвездий, пахнущая не бензиновым чадом и пороховыми газами, а устоявшейся в лесных озёрах глубокой водой и хвоей можжевельника.

(По К.Г. Паустовскому*)

(1) Когда Серпилин с Цветковым зашли в землянку, лейтенант Алфёров, бледный, худенький юноша в съехавшей на затылок ушанке и полушубке внакидку, сидел на корточках, притулясь к железной печке-временке, и, прижав к уху телефонную трубку, чему-то задумчиво улыбался.

(2) Огонёк «катуши» — сплющенной снарядной гильзы — освещал улыбавшееся лицо Алфёрова и спавших вповалку на полу людей.

(3) Увидев входящее начальство, Алфёров положил трубку, стряхнул с плеч полушубок, нахлобучил ушанку, вытянулся в струнку и стал докладывать.

— (4) За дежурного самого себя оставили? — спросил Серпилин, выслушав доклад.

— (5) Так точно. (6) Решил: пусть поспят. (7) А мне не спится.

— (8) С кем говорили? — спросил Серпилин. — (9) Возьмите трубку, договаривайте, раз начали.

(10) По смущённому виду командира роты ему показалось, что тот вёл новогодний, неслужебный разговор.

— (11) Я ни с кем не говорил, товарищ генерал, — сказал Алфёров. — (12) Я песню слушал.

— (13) Вон как! — удивился Серпилин. — (14) Объясните, недопонял.

— (15) У нас одна связистка на промежуточной, — сказал Алфёров, с опаской покосившись в сторону командира полка, — очень поёт хорошо.

(16) Иногда, когда она ночью дежурная бывает, мы её по линии спеть просим.

(17) Серпилин перехватил взгляд Алфёрова и повернулся к Цветкову.

(18) Цветков смотрел на своего командира роты со смешанным выражением свирепости и удивления. (19) От удивления брови Цветкова поднялись так высоко, что готовы были сорваться с лица и улететь.

— (20) И какие же она песни поёт? — спросил Серпилин.

— (21) Разные, товарищ генерал, — сказал Алфёров. — (22) Сейчас «Землянку» мне пела. — (23) И опять покосился на Цветкова.

— (24) Хорошая песня, — сказал Серпилин. — (25) Может, её и нам с командиром полка можно послушать?

(26) Алфёров неуверенно посмотрел на него, не шутит ли. (27) Увидел, что не шутит, и взял трубку.

— (28) Селивёрстова, а Селивёрстова... (29) Спои ещё. (30) Он вопросительно посмотрел на Серпилина: сказать, для кого придётся петь, или не говорить? (31) Серпилин покачал головой: «Не надо».

— (32) Спои, Селивёрстова, — просительно повторил Алфёров. — (33) Только с самого начала, а то меня тут прервали.

(34) И, подождав несколько секунд, подался в сторону и передал трубку Серпилину. (35) И Серпилин услышал доносившийся сквозь хриплые потрескивания молодой женский голос...

(36) Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

(37) Он любил эту песню, потому что было в ней, и в музыке, и в словах, что-то особенное, щемящее солдатскую душу и до того простое, что проще не скажешь.

(38) До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага...

(39) «Вот именно, четыре шага, а то и один». (40) Почему-то сегодня он думал о смерти больше обычного, не о своей смерти, а вообще о человеческой. (41) Он вздохнул и перед последним куплетом протянул трубку Цветкову.

— (42) Послушай и ты, как у тебя в полку поют.

(43) Цветков взял трубку, как змею, и недовольно приложил её к уху. (44) Серпилин потрогал ладонью крохотную железную печурку — она была совершенно холодная.

— (45) Бедно живёшь, студент, — сказал он Алфёрову.

— (46) Каждая щепка на счету, товарищ генерал, экономим.

(47) Подтапливаем, когда уж терпеть нет возможности.

(48) Серпилин назвал его студентом потому, что он и в самом деле был недоучившийся студент, окончивший краткосрочные курсы младших лейтенантов и попавший на фронт прямо с курсов в июле в самую кашу.

(49) Алфёров не был тогда в их дивизии и забрёл в неё случайно, когда с несколькими бойцами из своего взвода без оружия бежал куда глаза глядят.

(50) Бежал и нарвался на Серпилина, который поставил его по стойке «смирно» и спросил голосом, не предвещавшим ничего хорошего:

— Вы кто, командир Красной Армии или трус, спасающий свою шкуру?

(51) Отвечайте: кто вы?

(52) Вот тогда-то он и сказал дрожащими губами ту нелепую, запомнившуюся Серпилину фразу:

— Я вчерашний студент, товарищ генерал.

(53) Он сам хорошо помнил ту минуту и знал, что Серпилин тоже помнит её, потому что командир дивизии уже не впервые, встречая его, называл студентом.

(54) Но сейчас он не стыдился той минуты, о которой они оба помнили, потому что знал: он сейчас уже не тот, каким был тогда, и на груди у него новенький орден Красной Звезды, полученный за ноябрьские бои.

(55) И командир дивизии сам подписал на этот орден наградной лист.

(По К.М. Симонову*)

(1)Каждый пройденный человечеством век имел своё содержание и свою окраску. (2)Век первого христианства, век старых монархий, век рыцарства и крестовых походов, век возрождения искусства, век борьбы католичества с реформацией, век путешествий и открытий новых земель, век французской революции, век Наполеона...

(3)Прожитый нами XIX век был прежде всего веком изобретений.

(4)Если мы, люди полувека, не застали рождение первых паровозов и пароходов, то всё-таки странно и жутко подумать о том, как при нашей жизни и на наших глазах широко и быстро шагал вперёд изобретательный гений человека! (5)Электрический телеграф, электрическое освещение, динамит, фонограф, синематограф, подводные лодки, аэропланы и цеппелины, беспроводный телеграф и телефон, система Менделеева и открытие новых, но предугаданных элементов с чудесными, могучими свойствами – всего не перечислишь в размерах газетной статьи!

(6)Но во все столетия и почти во все годы – всё равно, появлялись ли или не появлялись на небе страшные, хвостатые кометы, – человечество никогда не переставало враждовать и в жестоких битвах проливать взаимно драгоценную человеческую кровь. (7)Напрасно лучшие умы и пламенные сердца поднимали свой голос против кровавого истребления братьев по телу, духу и вере. (8)Каждая новая война бывала губительнее и ужаснее предыдущей. (9)Страшно подумать: каждое новое открытие или изобретение, только что сделанное гением человека на очевидную пользу и к радости человечества, тотчас же превращалось в новое, могущественное орудие беспощадной войны. (10)Наполеоновские битвы – игрушка в сравнении с русско-японской войною, но и эта нелепая война, в сравнении с недавней великой войною, то же, что робкий свет стеариновой свечи, тонущий в лучах маячного прожектора.

(11)XX век, судя по его началу, может возвыситься над всеми прошедшими веками, как великан над карликами, как Эверест над Монмартрским холмом. (12)То, что издревле являлось загадочным хаосом, то, что происходило через уродливые формы в виде толкований иступленных монахов, то колдовства, то спиритизма и астрологии, – словом, таинственная область человеческой души, её сущность, её возможности и отправления, – всё это становится мало-помалу материалом для строгих и точных научных опытов и исследований.

(13)Теперь никого уже не удивляет перенос человеческой воли на расстояния, может быть, не имеющие пределов. (14)Теперь невидимые эманации человеческого мозга или человеческой души начинают быть уловляемы контрольными аппаратами. (15)Теперь скептические учёные считаются, как с непроверяемыми фактами, с явлениями ясновидения, проникновения в будущие события, чтения мыслей или запечатанных писем.

(16)Душа отдельного человека всё более и более обрисовывается в тесной связи с душою животных, растений и всего видимого мира.

(17)У английского писателя Честертона есть замечательный рассказ – одно из тех фантастических сочинений, которым суждено как бы опережать земные дела и события.

(18)В нём какие-то путешественники случайно попадают в глубь земли, почти к самому её центру. (19)Там они находят потомков племени, спасшегося чудом от всемирного потопа. (20)Вследствие особых удачных условий, культура этих людей перегнала надземную человеческую культуру на несколько тысячелетий. (21)Жизнь там блаженна, светла и добра. (22)Необычайное развитие каждого подземного жителя так огромно, что он простым усилением воли может убить на любом расстоянии своего собрата.

– (23)Значит, у вас убийство – каждодневное явление? – спросил один из путешественников.

– (24)Нет, друг наш, – ответили ему. – (25)Последний случай произошёл две тысячи лет тому назад...

(26)И я думаю, изучая человеческую душу и душу природы, стремясь её понять, человечество придёт к тому, что станет её любить и чтить как Божество.

(27)И страшно подумать, что новая, неслыханная и невообразимая война снова отбросит человечество ко временам дикарей.

(По А.И. Куприну*)

(1) Спустя двадцать пять лет я держал в руках письмо своего фронтового друга Волкова, написанное девушке по имени Женя.

(2) «Встречали мы Новый год 1 января в той самой деревеньке, из которой я писал Вам первое своё письмо. (3) В 18:00 собрались в избу. (4) Начали с доклада о международном положении. (5) Доклад делал наш офицер. (6) Читал, как пономарь, сообщая всем известные истины, что Германия будет разбита, что второй фронт будет открыт, что у немцев всё больше ошибок, а у нас всё больше уменья и т.д. (7) Кончил, мы бурно похлопали, потом были выборы в совет офицерского собрания, куда я, раб Божий Сергей, тоже попал по рекомендации единственного здесь моего товарища. (8) После выборов комиссар части прочёл напутственное слово для офицеров, чтобы вели себя прилично».

(9) Я не вспомнил, а представил, как наш командир говорил, это была его интонация – не то в шутку, не то всерьёз. (10) Он сам умел погулять.

(11) «Солдаты принесли скамейки в избу. (12) Мы вошли. (13) Три стола с белыми скатертями, и на них яства, от которых мы отвыкли: винегрет, хлеб чёрный, 25% белого, капуста, шпроты, селёдка, котлеты, картошка. (14) Стояла ёлка с игрушками. (15) Вся комната была в лентах с золотым дождём. (16) Перед входом в этот зал имелась маленькая комнатка, где мы прыскались шипром, ваксили сапоги...»

(17) Господи, была же ёлка! (18) Она появилась передо мной в золотых звёздах, нарядней, чем в детстве, она вспомнилась вместе с тем замирающим чувством восторга, что вдруг нахлынул среди голодной зимы. (19) Это была последняя в моей жизни ёлка, которая так взволновала. (20) Тут смешалось всё: и окопная бессонница, и прокопчённая эта изба, и грубый наш офицерский быт, и – вдруг – это видение из прошлого, когда были ещё мама, папа, братишка, тётка, наш дом, ещё не спалённый, старый шкаф с игрушками. (21) Нежный свежий запах ёлки, запах зажжённых крохотных свечек, запах Рождества мешался с запахами капусты, кожи, табака, пороха, неистребимым смрадом войны.

(22) Даже в детстве не было такого острого чувства благодарности и счастья, как от той ёлки в ночь на 1943 год. (23) Я вспомнил, ходил по комнате, любуясь этой картиной, чувствуя на лице улыбку.

(24) «Первый тост предложили за победу, второй – за Родину, третий – за наших любимых. (25) Приехали артисты из Дома Красной Армии».

(26) Вот артистов я плохо помнил.

(27) «Они сидели с нами, мы кормили их котлетами с жареной картошкой, потом начались танцы. (28) Между танцами артисты исполняли номера. (29) Мне было хорошо и грустно. (30) Безумная мысль мне досаждала: откроется дверь и войдёте Вы, в голубеньком платице. (31) Есть у Вас такое? (32) Бывают ведь чудеса? (33) Вы войдёте, все с грохотом встанут, вытянутся. (34) Вы будете обходить нас и вглядываться, отыскивая меня. (35) Но время шло, и Вы не появлялись. (36) А появился Борис, и мы поссорились: он принялся распекать меня за письма к Вам. (37) Он кричал, что война, что не время для чувств и страданий.

...(38) Танцевали под радиолу и баян. (39) Я сыграл несколько танцев, но получилось у меня грустновато. (40) Потом устроили чаепитие с пирожками с рисом. (41) Чай был сладкий. (42) Артисты остались очень довольны, всем было весело, и я сейчас, когда пишу, понимаю, что было хорошо, вполне прилично.

(43) В два часа ночи был миномётный обстрел, а на соседнем участке фрицы попытались пройти, но их неплохо встретили. (44) Идёт война, мы защищаем великий город, Отечество, и при этом позволяем себе ссориться, обижаться, говорить друг другу гадости. (45) Нет, это недостойно нашей великой миссии. (46) Надо быть достойным того, что мы защищаем.

(47) Я виноват, я попробую объясниться с Борисом, хотя не знаю как.

(48) Любить, мечтать о любви – это, по-моему, достойно даже во время такой тяжёлой войны...

(49) Меня часто отрывают, поэтому письмо нескладное. (50) А Борису я завидую, он сумел найти с Вами близкий язык, если Вы с ним на «ты». (51) Буду надеяться, что когда-нибудь и я этого заслужу. (52) Как бы ни сложились мои отношения с ним, лично я всегда буду ему благодарен за знакомство с Вами».

(53) Вот и всё, что было в письме Волкова о той памятной мне истории.

(54) Без обиды, без гнева; после неё чай с пирожками; то, что чай сладкий, для него тоже существенно.

(55) А может, он прав. (56) С нынешнего расстояния кажется смешно, несопоставимо, что в разгар войны, на передовой, такие страсти терзали нас. (57) Идёт миномётный обстрел, а я, тот самый Борис, петухом наскაკиваю на Волкова – из-за чего?

(По Д.А. Гранину*)

(1)«Тяжело будет всё-таки, если выдернут из дивизии», — снова подумал Серпилин.

(2)Это уже было с ним один раз, в феврале сорок второго. (3)Бывают на войне такие ситуации, когда считается, что ты виноват, хотя ты и прав, и то, что ты прав, понимаешь не только ты сам, но и другие люди, которым положено считать тебя виноватым.

(4)Тогда, в феврале сорок второго, его сняли с дивизии за то, что он не выполнил приказ и не взял к назначенному сроку районный центр Грачи, на границе Калужской и Брянской областей.

(5)В сроке этом не было ровно никакого смысла, кроме одного-единственного: взятые у немцев Грачи должны были непременно попасть в вечернюю фронтовую сводку, а потом в утреннее сообщение Информбюро 23 февраля 1942 года — в День Красной Армии.

(6)Серпилина никто не спросил заранее, сможет ли он взять Грачи к этой дате. (7)По общей обстановке считалось, что может, и, вообще-то говоря, немцы действительно сидели в этих Грачах, как на подрубленном суку, но, чтобы без особых потерь, грамотно подрубить этот сук, нужны были, по крайней мере, ещё сутки. (8)А вот этого и не пожелали знать ни заранее, ни тем более потом. (9)Армия обещала Грачи фронту, фронт — Ставке, и от Серпилина потребовали, чтобы он хоть вылез из кожи, а взял Грачи к 24 часам!

(10)Вылезти из кожи он был готов — он и так лез из кожи, — но бессмысленно класть в лобовых атаках свой лежавший в открытом поле в снегу перед Грачами полк он не хотел. (11)И именно для того, чтобы взять эти Грачи, не теряя измотанных боями остатков полка, он сколотил два подвижных отряда и с одним из них даже протащил через лес на волокушах несколько пушек, чтобы закупорить лесную дорогу в тылу у немцев и заставить их бросить Грачи.

(12)Но, оказывается, — ему так и сказали по телефону — Родина требовала, чтобы он взял эти Грачи не тогда, когда он мог их взять, а на сутки раньше. (13)В глубине души он знал, что Родина не может этого требовать: Родина может требовать от своих сыновей подвига, а не бессмысленной гибели.

(14)Так он думал, хотя и не сказал этого, когда командующий армией потребовал от него взятия Грачей к 24 часам 22 февраля во что бы то ни стало. (15)Он просто доложил по телефону о принятых им мерах и о том, что, по его расчётам, самое позднее через сутки немцы вынуждены будут сами начать поспешный отход и он на их плечах ворвётся в Грачи и возьмёт районный центр целым, несожжённым.

(16)Командующий не мог не понимать, что это было правдой и никакой другой правды не было и не могло быть. (17)Но сейчас он был глух и беспощадно настойчив.

— (18)Или возьмёте к двадцати четырём часам Грачи, или сниму с дивизии, — таков был финал их разговора.

(19)«Ну и снимайте!» — хотелось крикнуть Серпилину в телефон. (20)Он не крикнул этого, а сказал «слушаюсь». (21)Не крикнул не только потому, что тяжело оказаться снятым с дивизии. (22)Ещё тяжелее была мысль, что, если он откажется выполнить этот неразумный приказ, его отстранят, а заместителя всё равно заставят положить костями полк, лежавший в снегу перед районным центром Грачи.

(23)Он сказал «слушаюсь» и не выполнил приказа.

(24)О том, что произошло дальше, он не любил вспоминать.

(25)В середине дня его вызвали в штаб армии, где находилось не только армейское, но и фронтовое начальство. (26)О том, что якобы взятые Грачи не взяты, уже донесли на самый верх, и гроза собиралась над всеми.

(27)Если бы Серпилин склонил голову, смолчал, ему бы сначала дали жару, а потом потихоньку вытащили из беды. (28)Но он не склонил головы и упрямо сказал всё, что думал. (29)Сказал под оскорбления и угрозы трибуналом. (30)А под трибунал не пошёл потому, что уже к вечеру его заместитель, действуя по его плану, без потерь взял Грачи.

(31)Под трибунал не пошёл, но и в дивизию тогда не вернулся.

(По К.М. Симонову*)

(1) Жёлтые кувшинки плавали в стоячей воде. (2) Пахло тиной и речной сыростью. (3) Раздевшись, Николай выстирал гимнастёрку и портянки, сел на песок, обнял руками колени. (4) Лопехин прилёг рядом.

– (5) Мрачноват ты нынче, Николай...

– (6) А чему же радоваться? (7) Не вижу оснований.

– (8) Какие ещё тебе основания? (9) Живой? (10) Живой. (11) Ну и радуйся. (12) Смотри, денёк-то какой выдался! (13) Солнце, речка, кувшинки вон плавают... (14) Красота, да и только! (15) Удивляюсь я тебе: старый ты солдат, почти год воюешь, а всяких переживаний у тебя, как у допризывника. (16) Ты что думаешь: если дали нам духу – так это уже все? (17) Конец света? (18) Войне конец?

(19) Николай досадливо поморщился, сказал:

– При чем тут конец войне? (20) Вовсе я этого не думаю, но относиться легкомысленно к тому, что произошло, я не могу.

(21) А ты именно так и относишься и делаешь вид, будто ничего особенного не случилось. (22) Для меня ясно, что произошла катастрофа. (23) Размеров этой катастрофы мы с тобой не знаем, но кое о чем можно догадываться. (24) Идём мы пятый день, скоро уже Дон, а потом Сталинград... (25) Разбили наш полк вдребезги. (26) А что с остальными? (27) С армией? (28) Ясное дело, что фронт наш прорван на широком участке. (29) Немцы висят на хвосте, только вчера оторвались от них и всё топаем, и, когда опрёмся, неизвестно. (30) Ведь это же тоска – вот так идти и не знать ничего! (31) А какими глазами провожают нас жители? (32) С ума сойти можно!

(33) Николай скрипнул зубами и отвернулся. (34) С минуту он молчал, справляясь с охватившим его волнением, потом заговорил уже спокойнее и тише:

– Ото всего этого душа с телом расстанется, а ты проповедуешь – живой, мол, ну и радуйся, солнце, кувшинки плавают...

(35) Иди ты к черту со своими кувшинками, мне на них смотреть-то тошно! (36) Ты вроде такого дешёвого бодрячка из плохой пьески, ты даже ухитрился вон в медсанбат сходить...

(37) Лопехин с хрустом потянулся, сказал:

– Жалко, что ты со мной не пошёл. (38) Там, Коля, есть одна такая докторша третьего ранга, что посмотришь на неё – и хоть сразу в бой, чтобы немедленно тебя ранили. (39) Не докторша, а восклицательный знак, ей-богу!

(40) Николай молча, угрюмо смотрел на отражение белого облачка в воде, и тогда Лопехин сдержанно и зло заговорил:

– А я не вижу оснований, чтобы мне по собачьему обычаю хвост между ног зажимать, понятно тебе? (41) Бьют нас? (42) Значит, поделом бьют. (43) Воюйте лучше! (44) Цепляйтесь за каждую кочку на своей земле, учитесь врага бить так, чтобы заикал он смертной икотой. (45) А если не умеете, – не обижайтесь, что вам морду в кровь бьют и что жители на вас неласково смотрят. (46) Чего ради они будут нас с хлебом-солью встречать? (47) Говори спасибо, что хоть в глаза не плюют, и то хорошо. (48) Вот ты, не бодрячок, объясни мне: почему немец сядет в какой-нибудь деревушке, и деревушка-то с чирей величиной, а выковыриваешь его оттуда с великим трудом, а мы иной раз города почти без боя сдаём, мелкой рысью уходим? (49) Брать-то их нам же придётся или дядя за нас возьмёт? (50) А происходит это потому, что воевать мы с тобой, мистер, как следует ещё не научились и злости настоящей в нас маловато. (51) А вот когда научимся да когда в бой будем идти так, чтобы от ярости пена на губах кипела, – тогда и повернётся немец задом на восток, понятно? (52) Я, например, уже дошёл до такого градуса злости, что плюнь на меня – шипеть слюна будет, потому и бодрый я, потому и хвост держу трубой, что злой ужасно! (53) А ты и хвост поджал, и слезой облился: «Ах, полк наш разбили! (54) Ах, армию разбили! (55) Ах, прорвались немцы!» (56) Прах его возьми, этого проклятого немца! (57) Прорваться он прорвался, но кто его отсюда выводить будет, когда мы соберёмся с силами и ударим? (58) Если уж сейчас отступаем и бьём – то при наступлении вдесятеро больше бить будем! (59) Худо ли, хорошо ли, но мы отступаем, а им и отступить не придётся: не на чем будет! (60) Как только повернутся задом на восток – ноги сучьим детям повывёртываем из того места, откуда они растут, чтобы больше по нашей земле не ходили. (61) Я так думаю, а тебе вот что скажу: при мне ты, пожалуйста, не плачь, всё равно слёз твоих утирать не буду, у меня руки за войну стали жёсткие – не ровен час, ещё поцарапаю тебя...

– (62) Я в утешениях не нуждаюсь, дурень, ты красноречия не трать понапрасну, а лучше скажи, когда же, по-твоему, мы научимся воевать? (63) Когда в Сибири будем? – сказал Николай.

– (64) В Си-би-ри? – протяжно переспросил Лопехин, часто моргая светлыми глазами. – (65) Нет, дорогой мистер, в эту школу далеко нам ходить учиться. (66) Вот тут научимся, вот в этих самых степях, понятно? (67) А Сибирь давай временно вычеркнем из географии. (68) Вчера мне Сашка – мой второй номер – говорит: «Дойдём до Урала, а там в горах мы с немцем скоро управимся». (69) А я ему говорю: «Если ты, земляная жаба, ещё раз мне про Урал скажешь – бронбойного патрона не пожалею, сыму сейчас свой мушкет и прямой наводкой глупую твою башню так и собью с плеч!» (70) Он назад: говорит, пошутил. (71) Отвечаю ему, что и я, мол, пошутил, разве по таким дуракам бронбойными патронами стреляют, да ещё из хорошего противотанкового ружья? (72) Ну, на том приятный разговор и покончили.

(По М.А. Шолохову*).

* **Михаил Александрович Шолохов** (1905–1984) – русский советский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе.